

Глава 35. Покинув столицу императора, с мечом в руке, он вышел один

Небо на востоке едва посветлело, и огненные облака окрасили его в цвета зари, отчего стало неясно — рассвет это или закат. Лишь тяжёлый, багрово-жёлтый свет давил на грудь.

На угловых башнях городских стен Сяцзиня стражники изо всех сил забили в медные гонги. Раскатистый звон разнёсся по всей округе.

В домах, разбросанных среди полей и садов за стенами города, услышали сигнал тревоги. Люди начали выходить из жилищ, вглядываясь в сторону городских стен.

— Это гонг. Ямэнь бьёт тревогу!

— Уездный судья говорил, что если на стене зазвонит гонг, значит, будет битва, и мы должны немедленно укрыться в городе.

— Все скорее в город, бежим!

Среди горожан началось смятение: спешно собрав пожитки, они устремились к городским воротам. Некоторые, побросав всё имущество, лишь хватали детей и отчаянно бежали.

За короткие полчаса почти все жители, обитавшие за стенами, успели укрыться в городе. Подъёмные мосты у западных, северных и южных ворот медленно поднялись. Расширенный ров, теперь достигавший трёх чжанов в ширину, стал серьёзным препятствием для конницы — преодолеть его можно было, лишь засыпав или построив переправу.

Только у восточных ворот остался каменный арочный мост, построенный на пожертвования местной знати. Как только последние жители вошли в город, патрульная инспекция выдвинулась наружу, установив на дороге рогатки и рассыпав по земле шипы из твёрдого дерева. А на восточной стене уже были заготовлены камни и брёвна, и в больших котлах закипала вода.

Напряжённая атмосфера охватила и город. Жители запирали двери и окна, торговцы на утреннем рынке, перекликаясь, спешно сворачивали свои лавки и расходились по домам.

Инспектирующего цензора Сюэ Тунаня, остановившегося в гостинице, разбудил звон гонга. Он приказал слуге разузнать, что происходит. Вскоре тот вернулся и доложил:

— Говорят, прошлой ночью разбойники-сянма напали на Гаотан и устроили резню в управлении. Господин Еян опасается, что Сяцзинь станет их следующей целью, поэтому он ударил в гонг, созвал всех жителей из-за стен в город и лично готовится к обороне у восточных ворот.

Услышав это, Сюэ Тунань мигом стряхнул с себя остатки сна. Он поспешно умылся, оделся и сказал:

— Идём, берите оружие, мы тоже посмотрим.

Подойдя к восточным воротам, он увидел, что они наглухо заперты. По пандусу сновали солдаты, таская на стену брёвна и камни, а на обеих сторожевых башнях стояли лучники. На боевом ходу стены, облачённые в доспехи и вооружённые до зубов, в полной готовности стояли патрульные и стражники. Среди них особенно выделялась алая фигура.

Цензор был человеком бывалым и не поддавался панике. Он остановил стражника, только что сгрузившего мешок с песком:

— Господин служивый, я купец из Линьцина, фамилия моя Сюэ. Если начнётся битва, я готов пожертвовать средства на нужды обороны.

Этот стражник оказался начальником отряда сыщиков. Услышав о деньгах, его суровое лицо тут же смягчилось.

— Это было бы как нельзя кстати, премного благодарны. Однако сейчас нам не хватает не денег, а людей и снаряжения. Если господин Сюэ желает помочь, то для начала сберегите свою жизнь. После битвы ваши жертвования помогут нам восполнить потери.

Сюэ Тунань указал на алую фигуру на стене:

— Это уездный судья?

— Верно, — ответил сыщик и поспешил вверх по пандусу. Сюэ Тунань, подобрав полы халата, последовал за ним.

— Мои слуги — искусные стрелки, — сказал цензор. — Позвольте им подняться на стену и помочь в бою, внести свою скромную лепту.

Начальник отряда сыщиков обернулся и смерил его взглядом:

— На стене опасно. Ты торговец, зачем тебе на рожон лезть?

— Я — честный купец, — с достоинством ответил Сюэ Тунань. — К тому же, если разбойники прорвутся в город и начнут грабить и убивать, никто не уцелеет. Так что я сражаюсь и за себя.

Собеседник быстро окинул взглядом его слуг — крепких мужчин с луками за спиной — и,

молча повернувшись, продолжил путь, тем самым давая своё согласие. Цензор со слугами поднялся на стену и нашёл себе место в углу, продолжая наблюдение.

Еян Цы и Го Сысян стояли плечом к плечу на стене и сквозь бойницу смотрели на дорогу, ведущую в Гаотан.

Внезапно на горизонте взметнулось чёрное облако, послышался глухой рокот, подобный отдалённому грому.

— Идут, — глухо произнёс Еян Цы и спросил у юноши, который глубоко дышал рядом с ним: — Волнуешься?

Го Сысян выдохнул и крепче сжал рукоять своего модао:

— И волнуясь, и предвкушаю.

— Сто лучников из патрульной инспекции, почти сотня стражников и сыщиков. Двести с лишним добровольцев из местных жителей, которых едва удалось вооружить, и лишь у половины есть доспехи и кони. Вот и все наши силы. Я отдаю их под твоё командование, посмотрим, как ты справишься с обороной города, — сказал Еян Цы.

Командиру показалось, что уездный судья был слишком спокоен, отчего он сам выглядел неопытным юнцом. Он не удержался и спросил:

— Господин так невозмутим, у вас есть опыт командования в бою?

— Я бы очень хотел успокоить тебя и сказать «да», — ответил Еян Цы. — Но на самом деле — нет. Я дрался, но никогда не воевал.

Го Сысян вдруг почувствовал всю тяжесть ответственности. Он читал военные трактаты, служил младшим знаменосцем в гарнизоне Пиншань и участвовал в подавлении разбойничьих шаек — какой-никакой опыт у него был. Он повернулся к собеседнику и твёрдо сказал:

— Господин, не беспокойтесь, я буду защищать вас до последней капли крови! Когда начнётся бой, на стене будет опасно, прошу вас спуститься и найти безопасное место.

— Сысян, на тебя можно положиться, — Еян Цы слегка улыбнулся восемнадцатилетнему отважному юноше. — Благодарю.

Тот мгновенно покраснел, то ли от волнения, то ли от смущения.

— Господин, я...

Не успел он договорить, как Еян Цы, глядя вдаль, произнёс:

— Это действительно разбойники-сянма. Судя по всему, их не меньше двух тысяч.

Две тысячи всадников, каждый — свирепый разбойник, а с их стороны — всего четыреста с небольшим бойцов разной степени подготовки. Силы были неравны. Городские стены Сяцзиня, хоть и были подлатаны, но основание у них было слабое. Их укрепили лишь в самых ветхих местах. Если враг применит порох, стены могли попросту рухнуть.

«Смогут ли они выстоять?»

Го Сысян прикусил губу, крепче сжал рукоять клинка и крикнул:

— Стоять насмерть за Сяцзинь! Не пропустить разбойников за стены!

Стоявшие за ним лучники из патрульной инспекции подхватили его клич глухим рёвом:

— Стоять насмерть!

Братья Жуань издали увидели глинобитный город, серым пятном видневшийся в конце поля, усеянного стерней. Он был совсем неприметным.

— Выглядит ещё хуже, чем Гаотан, — крикнул Жуань Да, не сбавляя хода. — Там точно есть чем поживиться?

Жуань Эр, скакавший рядом с ним, ответил, перебивая ветер:

— Какая разница, раз уж приехали, сначала ударим, а там посмотрим.

Город становился всё ближе. Они увидели ров шириной не менее трёх чжанов и высоко поднятый над ним подъёмный мост. Старший Жуань придержал коня у берега, несколько озадаченный.

— С каких это пор в уездном городе ров и подъёмный мост? Курица свила себе гнездо феникса?

— Значит... есть что защищать! — смекнул младший из братьев. — Есть и другие ворота, давай объедем, посмотрим.

Он оставил половину отряда с Жуань Да, а сам с тысячей всадников объехал город. Вернувшись, он недовольно доложил:

— У западных и северных ворот тоже подъёмные мосты, только у восточных — каменный. Но по обе стороны от него — рогатки и шипы. Явно подготовились. На восточной стене — ряды лучников, среди них выделяется фигура в красном и чёрной шапке. Хоть и не в чиновничьем халате, но, похоже, главный. Может, это и есть уездный судья Сяцзиня.

Жуань Да нахмурился:

— В каком-то уездном городишке, даже если считать всех стражников и патрульных, постоянных войск не больше двух сотен. Как он смеет выставять себя так, будто готов к долгой осаде? Смешно!

— Просто пыль в глаза пускает, — презрительно бросил Жуань Эр. — Хочет продержаться до подхода подкрепления из Пиншаня. Нужно действовать быстро. Идём, прорвёмся через восточные ворота!

Старший брат взмахнул рукой, и две тысячи всадников, словно приливная волна, хлынули вперёд. Колокольчики на шеях их коней зазвенели пронзительно и резко.

На стене у Го Сысяна вспотели ладони, сжимавшие рукоять клинка. Затаив дыхание, он произнёс:

— Идут... скоро войдут в зону обстрела. Господин, прошу вас немедленно покинуть стену, чтобы не пострадать от шальной стрелы.

Небо посветлело. Утренняя заря, подобная расплавленной лаве, подгоняемая облаками, сместилась на восток и постепенно растворилась в белом сиянии восходящего солнца.

Словно осколок зари, застрявший на городской стене, алая одежда Еян Цы приковывала к себе взгляды. Обычно он предпочитал светлые оттенки синего и белого, но сейчас красный цвет стал символом его негибимой воли, знаменем, вдохновляющим сердца и ясно показывающим всем жителям уезда: уездный судья здесь, впереди, на первой линии обороны.

— Командир на поле боя не должен отвлекаться, — спокойно произнёс Еян Цы. — Го Сысян, не думай обо мне.

Стыд охватил юношу, и его ладони тут же перестали потеть. Он сосредоточился на приближающейся коннице. Когда серая волна вошла в зону обстрела, он хрипло крикнул:

— Огонь!

Сотня лучников из патрульной инспекции одновременно натянули тетивы. Разделившись на две группы, они начали поочерёдную стрельбу. Стрелы с воем рассекли воздух.

В то же время передовые отряды разбойников начали стрелять на скаку. Два потока стрел затмили солнце, и небо над восточной стеной на мгновение потемнело.

Первый ряд лучников, выпустив стрелы, отступил, чтобы перезарядить, и их место тут же занял второй. Стражники, прикрываясь деревянными щитами, защищали их от стрел, летевших снизу.

Го Сысян, отбив мечом летевшую в него стрелу, приказал:

— Зажигательные стрелы!

Наконечники таких стрел были обмотаны тканью, пропитанной сосновой смолой. Будучи тяжелее обычных, они летели не так далеко, но если такая стрела попадала в одежду, пламя было трудно потушить, и в сухую погоду оно мгновенно охватывало человека.

Несколько десятков всадников из передового отряда разбойников, поражённые стрелами, упали с коней. Некоторые, получив лишь лёгкие ранения, превратились в живые факелы и, катаясь по земле, пугали окрестных лошадей.

Однако эти же катающиеся и кричащие факелы расчистили землю от шипов, что несколько уменьшило панику среди лошадей. Некоторые разбойники, добежав до рва, спешили и начали растаскивать рогатки, расчищая путь для основных сил.

Братья Жуань наблюдали за боем с безопасного расстояния, подсчитывая потери и прикидывая, сколько добычи им понадобится, чтобы их окупить. Цифра росла, и лица обоих становились всё мрачнее.

Они не ожидали, что какой-то уездный городишко будет так хорошо подготовлен к обороне и даже будет иметь в своём распоряжении не менее сотни железных доспехов и столько железных наконечников для стрел.

— Нужно как можно скорее подобраться к стенам и взорвать их порохом, — процедил сквозь зубы Жуань Эр. — В городе, в уличных боях, у них мало людей, они нам не противники.

Жуань Да кивнул:

— Стены из глины и соломы, старые. Одного заряда точно хватит, чтобы их обрушить.

Младший брат взмахнул флагом, приказывая второй волне продолжать атаку. Даже под градом

брёвен, камней и кипятка, летевших со стен, они должны были заложить порох у основания стены и ворот.

— Нельзя дать им подобраться к стене с порохом! — Го Сысян разгадал замысел противника, но врагов было слишком много. Несмотря на отчаянное сопротивление и сотни сбитых с коней разбойников, им не удавалось остановить обезумевших от жажды крови головорезов.

Если стена падёт, начнётся уличный бой, рукопашная схватка. Враг превосходил их числом, шансов на победу было мало. Го Сысян невольно обернулся и посмотрел на город за стеной. На улицах стояли толпы жителей. С серьёзными, молчаливыми лицами они выстроились в ряды, вооружённые дубинами, вилами, железными прутьями... и даже граблями.

Защитники на стене были их опорой, а они, в свою очередь, были опорой для своих воинов.

Глаза Го Сысяна покраснели, в носу защипало. Он повернулся к врагу внизу и, стиснув зубы, крикнул:

— Всем стражникам и добровольцам! Если ворота взорвут, стоять насмерть и заделать брешь! Длинные копья, пики — каждого, кто прорвётся, нанизывать! Если не хватит камней и мешков с песком, заделывайте брешь своими телами! Умереть, но стать стеной!

— Есть! — прогремел ответ, и люди, исполняя приказ, начали спускаться со стены.

Видя, как разбойники с пороховыми зарядами подбираются к стене, Еян Цы тихо позвал:

— Ли Тань.

Слуга, державший короб, тут же шагнул вперёд.

— Я здесь.

Прошлой ночью, когда в городе началось волнение, две прежние наложницы князя Лу, которым он служил, также узнали о событиях в Гаотане. Ань Ляньжу велела ему возвращаться к уездному судье. Ань Цзялань же, оставив сына, сняла со стены охотничий лук, но сестра остановила её.

— Цзяньчуань просил нас не показываться до его возвращения, — сказала Ань Ляньжу. — Цзеюнь перед уходом тоже передал, чтобы мы не беспокоились, у него всё под контролем. Сестра, в такой неопределённой ситуации лучше выждать. Мы можем навредить из лучших побуждений.

Ань Цзялань помедлила и в конце концов сдержалась. Услышав звон гонга, она не бросилась

наружу.

Подросток был сообразительным. Уже выбегая из внутреннего двора, он вдруг вспомнил, что хозяину на этот раз может понадобиться короб с мечом, и вернулся за ним, наказав Ломо охранять важные документы в главной комнате.

Уездный судья глубоко вздохнул:

— Короб — откройся!

Ли Тань поставил длинный прямоугольный короб на землю. Тот был ему почти по плечо. Он ударил ладонью по его основанию.

Крышка короба резко откинулась, и в нём показался шестигранный клинок танского меча. На тёмно-синей рукояти вился узор из серебряных облаков, а от белоснежного лезвия исходила аура, подобная ледяному ветру в морозном небе.

— Меч — ко мне! — Еян Цы протянул руку.

Шестигранный клинок, влекомый истинной ци Рассекающего облака, вылетел из короба.

Взошло солнце. Первый луч утреннего света упал на стены Сяцзиня, и вспыхнувший в нём клинок засиял так ярко, что на него невозможно было смотреть.

Древний меч «Покидающий столицу императора», передававшийся в роду Еян более шестисот лет.

Завет семьи Еян гласил: меч «Покидающий столицу императора» не обнажают ради хвастовства, не ради славы и богатства, не ради личной мести.

В этот миг он действовал не ради себя, а ради защиты своей земли, ради спасения жизней горожан. Он открыл короб и обнажил меч!

Еян Цы сжал рукоять, оттолкнулся от зубца стены и прыгнул вниз.

На стене раздались крики ужаса. Даже наблюдавший за боем Сюэ Тунань втянул воздух и обратился к своим слугам:

— Кто из вас сможет его вернуть? Это не просто риск, это готовность умереть!

Слуги переглянулись. Самый искусный из них покачал головой:

— Простите, нам это не под силу.

Другой сопровождающий попытался его успокоить:

— Этот уездный судья — человек расчётливый. Он не станет бездумно рисковать жизнью. Господин, успокойтесь и давайте посмотрим, что будет дальше.

Ветер на лету сорвал с него чёрную шапку. Длинные волосы ещё не успели упасть на плечи, как сверкнувший клинок уже окропился кровью. Тело разбойника рухнуло с коня. Еян Цы подхватил большой свёрток с пороховыми зарядами и забросил его на трёхжанновую стену, где его подхватили солдаты.

Чтобы победить разбойников, нужно сначала одолеть их предводителя. Он, несясь вперёд с мечом, одного за другим сбивал с коней преграждавших ему путь всадников, прорубая в живой волне кровавый коридор.

На стене Го Сысян изумлённо прошептал:

— Господин уездный судья...

Он и не подозревал, что Еян Цы владеет мечом, да ещё и на таком высоком уровне.

Братья Жуань тоже были ошеломлены видом этого мечника в красном, с распущенными волосами, в одиночку ворвавшегося в их строй. Лишь через мгновение они пришли в себя.

— Окружить его! — яростно крикнул Жуань Да. — Нас так много, по одному удару с каждого — и мы его измотаем!

— Это их главарь! — подхватил Жуань Эр. — Сначала убьём его, потом возьмём город!

Сюэ Тунань, глядя на алую точку, мечущуюся внизу среди тысяч врагов, чувствовал, как у него захватывает дух.

Словно одинокий алый риф посреди бушующего моря, который снова и снова накрывают гигантские волны. Каждый удар заставлял опасаться, что он вот-вот рассыплется в прах, но он раз за разом выстаивал. Цензора охватило чувство возвышенного восторга:

— Воистину, преданное сердце озаряет железные кости! — с восхищением произнёс он.